

ГОЛЛАНДСКАЯ БОЛЕЗНЬ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Д. В. Захарова, студентка IV курса экономического факультета ГОУВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва»

В статье рассматриваются проблемы сырьевой направленности российского экспорта. Подробно проанализированы причины и последствия существования «голландской болезни». Сделаны предположения о дальнейшем сценарии развития российской экономики.

Ключевые слова: сырьевая направленность экспорта, «голландская болезнь», коррупция

Жизнеспособность российской экономики, ее потенциал роста и устойчивости по отношению к многочисленным угрозам и ограничениям во многом определяются качеством ее системы воспроизводства. Последняя представляет собой своего рода каркас экономики, с одной стороны, соединяющий и балансирующий производство, распределение, обращение и потребление (накопление) в рамках единого процесса оборота материальных и финансовых ресурсов, с другой, обеспечивающий необходимую сопряженность и структурную сбалансированность производства, доходов и конечного спроса. Именно здесь, в системе воспроизводства, в 90-е годы сложились гигантские структурные дисбалансы, обусловившие общие тенденции экономического развития в последнее десятилетие. Усиление этих дисбалансов увенчалось финансовым кризисом 1998 г. В посткризисный период (1999-2000 гг.) система воспроизводства претерпела значительные изменения, неоднозначные с точки зрения перспектив долговременного экономического роста [1].

Формирование Стабилизационного Фонда началось с 2004 г. в базовом размере 688 млрд. руб. в ценах текущего года, или 5,25% ВВП. Установленного показателя предполагалось достичь за 3-4 года. Основными источниками наполнения фонда должны были стать поступления от экспортной пошлины на нефть при цене свыше 20 долл. за баррель и от налога на добычу полезных ис-

копаемых (НДПИ), а также возможный остаток профицита государственного бюджета после исполнения всех его расходов. Стабилизационный Фонд должен был одновременно выполнять функцию финансового резерва. Намного сложнее обстояло дело при высоких мировых ценах на нефть и большом притоке в страну нефтедолларов.

Такое звучит парадоксом не только для непривычного уха простых граждан – стихийных наследников идеологии советского экономического меркантилизма: рубль должен быть «самым твердым в мире», инвестиции должны расти, а цены непрерывно снижаться. Смущены также многие специалисты и ученые. И действительно, казалось бы, чем больше приток нефтедолларов, тем больше инвестиций в экономику, быстрее экономический рост, тверже рубль и выше жизненный уровень населения.

Угроза развития «голландской болезни» признается многими. «Голландской» она названа в экономической науке потому, что наиболее ярким образом проявилась именно в Нидерландах после открытия там огромных запасов углеводородов и стремительной экспансии на этой основе мощного экспортно-сырьевого сектора. «Болезнью» – так как последствия этого, казалось бы, стопроцентно благоприятного события оказались противоречивыми. Огромный приток нефтедолларов привел к сильному повышению реального курса местной валюты. А в результате этого – к ослаблению конкурентоспособности национальной обрабатывающей промышленности и углублению экспортно-сырьевой специализации экономики страны.

Такая же опасность, как полагают многие эксперты, грозит и нашей стране при ее опоре на экспорт углеводородов и кризисе обрабатывающей промышленности. А поскольку возможности быстро изменить в России соотношение между сырьевыми и обрабатывающими отраслями пока не видно, родилась идея перейти к искусственному подавлению симптомов «голландской болезни». Во-первых, посредством пусть медленного, но неуклонного понижения реального курса рубля по отношению к доллару. Во-вторых, – уменьшением

«долларового навеса» посредством форсированной выплаты внешних долгов и инвестирования валютных доходов за рубежом.

Во всяком случае, в упомянутом выше проекте Стабилизационного Фонда предполагалось использовать возможные излишки сверх его нормативного объема, помимо прочего, для погашения внешних долгов и размещения в высоколиквидных зарубежных активах. Совет Федерации одобрил проект закона, в соответствии с которым ставка НДС снижена с 20% до 18% и отменен налог с продаж. В то же время ставка НДС при добыче нефти, наоборот, повышена на 2,06% (с 340 руб. за тонну до 347 руб. за тонну), при добыче газа она уравнена для «Газпрома» и независимых производителей – 107 руб. за 1 тыс. куб. м. Таким образом, правительство продемонстрировало некоторый поворот от налогообложения доходов в сторону рентных платежей – в данном случае примерно на 2,8 млрд. рублей по нефти. Принят также закон о снижении нормы обязательной продажи твердой валюты ЦБ экспортерами с 50% до максимум 30%, что может способствовать их зарубежным операциям, одновременно уменьшая «долларовый навес» в стране.

Что ж, «кто предупрежден, тот защищен». Но беспокойство тех, кто опасается заражения России «голландской болезнью», не ослабевает, а усиливается. Самый сильный толчок этому дали некоторые долговременные процессы в нефтяной отрасли, которые указывали на возможность нового увеличения притока долларовых доходов и инвестиций в нашу страну. За годы высоких цен сами российские нефтяные компании добились существенных производственных успехов, а в последнее время произошли известные крупные слияния и покупки.

Появилось больше надежд, что наши компании станут теперь быстрее переходить от стратегии инвестирования в покупку нефтяных активов, приобретение лицензий на разработку месторождений и в повышение нефтеотдачи на старых месторождениях, к освоению новых нефтегазоносных территорий. Что, вполне понятно, требует очень крупных капиталовложений. Короче говоря, в ближайшей перспективе следует ожидать значительного прироста капиталов-

вложений в нефтегазовую отрасль, увеличения экспорта углеводородов и притока твердой валюты. Как же быть тогда с угрозой «голландской болезни»?

В рассуждения сторонников понижения реального курса рубля вкралась принципиальная ошибка. Феномен конкурентоспособности рассматривается ими только в одном ракурсе – высоких или низких издержек производства. Рубль слабее, национальные издержки меньше, конкурентоспособность выше, и наоборот, – считают они. Однако в жизни конкуренция происходит не только по издержкам производства, но также по ассортименту и качеству продукции. Одно не менее значимо, чем другое или третье. Те, кто не учитывает это, не принимают во внимание технологический уровень нашей обрабатывающей промышленности. Голландцы, как известно, оказались подверженными болезни, названной в их честь, потому, что ко времени создания у них мощного экспортно-сырьевого сектора их промышленность была уже полноценно конкурентоспособной по всем трем названным критериям. Повышение производственных издержек в их обрабатывающей промышленности снизило уровень ее конкурентоспособности только по одному из них. Наша обрабатывающая промышленность неконкурентоспособна вообще. За некоторыми исключениями она может поставлять только ограниченный ассортимент низкокачественной продукции, рассчитанной на слабый платежеспособный спрос бедных людей.

Парадокс заключается в том, что «голландской болезнью» могут страдать только достаточно высокоразвитые индустриальные системы. Нашей экономике до утраты иммунитета к ней надо еще дорасти, дожить. Конкретнее говоря, поднять технологический уровень своей обрабатывающей промышленности до международного стандарта. Решить такую задачу невозможно без масштабного переноса на отечественную почву передовых иностранных технологий. А это, в свою очередь, требует крупных иностранных инвестиций при достаточно высоком реальном курсе рубля. И, значит, проблема его регулирования в период технологического переоснащения промышленности будет носить тактический, а не стратегический характер. Поэтому можно смело развивать экспортно-

сырьевой сектор и ожидать, что он, в свою очередь, даст сильные импульсы развитию других отраслей экономики.

Таким образом, заявлять, что российская экономика «больна голландской болезнью» представляется мне необъективным и неточным из-за большого числа погрешностей в определении «симптомов заболевания», можно лишь говорить о некоторых схожих проблемах в экономике Нидерландов и России.

Исходя из общих закономерностей долгосрочного экономического роста, принято думать, что оптимальная стратегия развития и распространения нового технологического уклада в российской экономике должна сочетать: стратегию лидерства в тех направлениях, где российский научно-промышленный комплекс имеет технологическое превосходство; стратегию догоняющего развития в направлениях, где наблюдается значительное отставание; стратегию опережающей коммерциализации в остальных направлениях. Для их реализации необходимо решить проблему нехватки «длинных» финансовых инструментов для модернизации промышленности. Действительно, такая проблема есть, но вот уже более 15 лет, несмотря на ее остроту, решению она не поддается. Ключевое значение для ее решения играют институты и механизмы кредитования промышленных предприятий, которые практически полностью атрофированы. Скорость технологического обновления производства, темпы наращивания выпуска конкурентоспособной продукции зависят от того, насколько инвестиционные возможности предприятий выходят за рамки самофинансирования, хотя в настоящее время и оно уже проблематично. Важным фактором ускоренного распространения нового технологического уклада должен был бы стать механизм целевого предоставления кредитов, выделяемых государством для поддержки долгосрочных инвестиций. Меры по преодолению финансового кризиса надо было увязать с формированием национальной кредитно-инвестиционной системы и стратегическими целями долгосрочного социально-экономического развития страны. К сожалению, этого не было сделано в предыдущий благоприятный период – проводившаяся политика привязки эмиссии рублей к приросту валютных резервов лишила российскую экономику внутренних источни-

ков кредита и поставила ее в полную зависимость от внешнего спроса и иностранного капитала.

За формально неплохими макроэкономическими показателями развития российской экономики в последние годы скрывается упущенная возможность использовать благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру для вывода России на траекторию быстрого и устойчивого социально-экономического развития. Природная рента, формирующаяся за счет экспорта энергоносителей и сырьевых товаров в объеме около 60 млрд. долл. в год, не была использована для структурной перестройки экономики на новой технологической основе, уйдя на погашение внешнего долга, накопление Стабилизационного Фонда и другие формы вывоза капитала за рубеж. При этом российская экономика осталась недомонетизированной, объем инвестиций не превышает 1/3 объема, минимально необходимого для обеспечения простого воспроизводства, социальные обязательства государства недофинансируются вдвое, а расходы на науку и стимулирование НТП остаются на порядок ниже дореформенного уровня.

Норма накопления (отношение объема инвестиций к ВВП), упав более чем вдвое в начале рыночных реформ, все еще крайне низка – около 20%. Международный опыт свидетельствует о том, что страны, которым пришлось осуществлять модернизацию и структурную перестройку своей экономики, в течение длительного времени демонстрировали высокий уровень инвестиций. В послевоенной Европе норма накопления вплоть до 1970-х годов составляла 25%. В Японии в тот же период она достигала 30%, а в Южной Корее была еще выше. В период индустриализации в СССР, а также в проводящем модернизацию экономики современном Китае норма накопления превышала 1/3, достигая 40% ВВП.

В условиях финансового кризиса государство было вынуждено изменить политику денежного предложения, прибегнув к замещению отзываемых иностранных кредитов. В общей сложности объем кредитных ресурсов, предоставленных государством банковской системе в рамках программы антикризисных мер, превысил 3 трлн. руб. При этом предприятия машиностроения и других

высокотехнологических отраслей обрабатывающей промышленности практически лишены доступа к кредитам. При средней рентабельности продукции машиностроительных предприятий в 8% они не могут позволить себе займы под 14–35%, предлагаемых коммерческими банками. Их и без того низкая рентабельность снизится еще больше вследствие реализации решений правительства о резком повышении тарифов на газ и электроэнергию, которые за период 2006–2011 гг. могут вырасти соответственно в три и два раза [2]. Учитывая, что главным источником инвестиций в обрабатывающей промышленности являются собственные средства предприятий, такая ценовая и кредитная политика исключает возможности модернизации российской экономики и перевода ее на инновационный путь развития.

Меры, предпринимаемые в настоящее время, ориентированы на решение краткосрочных задач стабилизации финансового рынка, недостаточно эффективны и коррупциогенны. Стремительная денежная накачка банковского сектора в отсутствие должного контроля над денежными потоками оборачивается спекуляциями против рубля и крупномасштабным вывозом капитала. Она влечет турбулентные завихрения эмитируемых кредитных ресурсов в спекулятивных операциях, сопровождающиеся резким ускорением обращения денег.

В отсутствие целевого управления денежным предложением значительная часть выделяемых государством дешевых кредитов пропускается через коррупционные схемы, направляется на валютный рынок и лишь ускоряет инфляцию, не дав желаемого результата. Здесь можно было бы использовать европейский опыт денежной эмиссии под залог векселей платежеспособных предприятий, индийский и китайский – финансового планирования, японский – централизованного использования сбережений населения на цели развития.

Считается, что с учетом нарастающего технологического отставания российской экономики на фоне становления нового технологического уклада в передовых странах время выбора инновационного пути развития ограничено ближайшими двумя-тремя годами. Якобы «оседлать» новую волну экономического роста в процессе ее зарождения можно относительно легко, опираясь на

научные заделы в ключевых технологиях нового технологического уклада. После вступления его в фазу зрелости для этого потребуются колоссальные инвестиции. Многие российские ученые, например, С. Ю. Глазьев, полагают, что если возможности структурной перестройки российской экономики на основе нового технологического уклада будут упущены, то в дальнейшем ее эволюция будет идти по инерционному сценарию, ограничиваясь сырьевой периферией мировой экономики.

В последнее время часто встречается термин «сырьевая экономика». Все сходятся на том, что это нечто плохое, и от этого нужно срочно избавляться. Один бывший претендент в Государственную Думу и бывший олигарх, а сегодня простой «советский заключенный», высказал мнение, что нам необходима «экономика знаний». Что он имел в виду теперь уже никому не интересно, потому как сырья у него уже не осталось, зато вот знаний теперь очень много. Так вот, на мой взгляд, экономика у нас обычная, с высоким уровнем индустриализации и технологий, хотя и устаревших, отставших лет на тридцать. Достаточно сказать, что почти треть мира, тот же Китай, между прочим, строил свою экономику на наших технологиях. А то, что Запад у нас предпочитает покупать сырье, а не самолеты, то это вовсе не значит, что мы «сырьевой придаток» «демократических стран». Это значит, что западные страны охраняют свои рынки и не собирается нас на них пускать. Кстати, наших бывших саттелитов тоже никто с хлебом-солью встречать не собирается.

Не сырьевая у нас экономика. Сырьевая у нас внешняя торговля, потому как границы на Запад закрыты для наших товаров, что, безусловно, печально. Возникает законный вопрос, что собственно плохого в продаже сырья? Просто принято считать, что «русская экономика зависима от цен на сырье» и это ее большой недостаток. С другой стороны, цена на сырье, это последнее что обычно падает. Сначала падает цена на конечный продукт, вернее спрос на него. То есть, сначала происходит удар по производителю конечного продукта (так называемые развитые страны), а уже затем падает спрос на сырье. Кстати, торговля сырьем считается наименее рискованным видом бизнеса. Не нужно

верить выдумкам о высокой рентабельности торговли телевизорами или автомобилями. Денег нужно вложить массу, а прибыль маленькая. Конкуренты наступают со всех сторон. А сырье всегда нужно. Оно не подвержено изменениям в технологиях и во вкусах потребителей.

Мы торгуем тем, что у нас покупают, а не тем что нам хотелось бы продавать. Поэтому постоянно упоминать о сырьевой экономике не нужно и просто бессмысленно. По крайней мере, можно говорить о сырьевом экспорте. Я считаю, что экономика плохой не бывает, она либо эффективна, либо слаба. На чем она построена, в конечном счете, становится неважно. Доходы растут – значит все прекрасно, падают – надо срочно искать альтернативу. Но все разговоры о диверсификации экономики оказываются бесполезными, поскольку предпринимаемые попытки диверсификации часто представляют глобальные общественные проекты, которые могут неправильно планироваться и плохо управляться, вновь сводясь к перераспределению ресурсов. Все равно будут развиваться только те отрасли, которые реально приносят прибыль, а все остальное – фантазии американских экономистов. На мой взгляд, неразумно пытаться подогнать проблемы российской экономики под уже готовые западные клише, а тем более, стремиться решить их по «рецептам» «развитых демократических стран». Возможно, что не все обстоит именно так, как мы привыкли думать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белоусов А. Р. «Этапы становления российской модели воспроизводства» [Электронный ресурс] / А.Р. Белоусов. – Режим доступа: <http://www.expert.ru>
2. Глазьев С. Ю. «Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов» [Электронный ресурс] / А.Р. Белоусов. – Режим доступа: <http://www.glazev.ru>